

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Волохина
Ну, ты мужик или нет?

Истории и сказки о мужчинах

Наталья Волохина
Ну ты мужик или нет?
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41815043

SelfPub; 2019

Аннотация

Истории и сказки о мужчинах. В шутку и всерьез, иронично и сочувственно, с восхищением и разочарованно. Какие они? Да разные. Инфантильные рохли и brutальные самцы, смелые и трусоватые, целеустремленные быки и исполнительные середнячки, ласковые, открытые говоруны и замкнутые, скупые на проявление чувств, молчуны. Вдруг откроется что-то новое, в том числе и для мужчин. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	4
На том берегу	6
Гурий	7
Глухой	16
Пушкин	21
Фотограф Остапов	25
Криво	29
Кто ловит – тому и рыба	34
Кредо	40
Картинки с выставки	45
Нормально!	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

От автора

Ну, ты мужик или нет? Популярная фраза, часто успешно используемая для принуждения манипуляторами обоих полов.

Все знают, каким должен быть мужчина, особенно женщины. Ну, а мужчины, получив внушение от мам и возлюбленных, стараются соответствовать. Приходится скрывать, даже от самих себя, какие они есть на самом деле. А какие? Да разные. Инфантильные рохли и brutальные самцы, смелые и трусоватые, целеустремленные быки и исполнительные середнячки, ласковые, открытые говоруны и замкнутые, скупые на проявление чувств, молчуны.

Еще считается, что мужчина должен быть сильнее женщины. Но в современном мире, где женщины, как танки ничего не боятся, ни в ком не нуждаются и никому не подчиняются, быть сильнее часто возможно только за счет денег или внешней агрессии, и то не факт. А еще дамам желательно, чтобы сильный мужик был послушным и ласковым, внимательным, мягким, тактичным. В общем, все, как и в мужских мечтах: умная, понимающая, красивая, сексапильная, домашняя, хорошо зарабатывающая жена. Да, запомновала, с обеих сторон огромное желание – чтоб его одного любили и принимали, каким есть.

Речь, разумеется, идет о мужчинах обычной ориентации,

без склонностей к экспериментам по смене пола и прочим модным фетишам.

Мужские истории и сказки я собрала из разных своих сборников. Думаю, это поможет взглянуть на мужчин под разным углом. В шутку и всерьез, иронично и сочувственно, с восхищением и разочарованно. Вдруг откроется что – то новое, в том числе, и для мужчин. Появится у них возможность ответить на риторический вопрос без принуждения. Ну, ты мужик или нет? Тогда вперед.

Наталья Волохина

На том берегу

из сборника рассказов

Гурий

Мой дед был младше меня на девять дней. Я родилась первого числа львиного месяца августа, а он десятого. Поэтому, он хоть и считался главой прайда, старшинство получалось моё. Дедушка приходился братом своей жене Дарье Григорьевне – тоже был Григорьевич. Имел Райское происхождение – звался Гурий. Из любимых сказок мне было известно, что Гурии живут в Райских кущах и поскольку они все особы женского пола, получалось, дедушка у них главный. Когда племянница называла его коротко «дядя Гутя», сразу же получала от внучатой Гурии выговор.

Потрясением стала встреча с женщиной – Гурией, тёткиной соседкой, оказавшейся на поверку Бабой Ягой, сидевшей в валенках при тридцатиградусной жаре на завалинке своей развалюхи. Наличие у старухи черной курицы убедило в её ведьмачестве и оправдало отсутствие у избушки ног. Сперла их шустрая квохчущая шельма! Оправившись от испуга, признавать старуху Гурией я категорически отказалась.

Гурий Григорьевич – «белый» брат «красного» командира. Первое надолго определило его на земляные работы, второе спасло жизнь.

Главное! Ни у кого не было такого красивого стеклянно-го глаза, как у деда. Впрочем, дедом его назвать было трудно, даже в пору моей юности. Когда в воскресный день мы

совершали ритуальное шествие по «нашему» маршруту, все незнакомые принимали его за моего отца. Григорьевич в синем габардиновом костюме, голубой рубашке с распахнутым воротом, высокий, благоухающий воскресным одеколоном, ведет за руку маленькую девочку кукольной внешности и размеров. Дюймовочка состоит в основном из пышного платица, полыхающего алыми маками, и красного банта. Дедушка го-о-ордый! Я первая и единственная, пока, внучка, он сам дал мне необычное, звучное имя, каждый выходной гуляет с ребёнком, как молодой папаша. Мы идем по родной улице Горького к знакомому магазину, покупаем две шоколадки «Аленка». Большая пойдет на угощение домашним, а маленькая, размером с ладошку, принадлежит только мне. Фантики со сказочной Аленкой аккуратно укладывались в жестяную, раскрашенную коробку. Дальше в маршруте место тайное, запрещенное бабушкой страшным заклинанием: «Близко с ребенком не подходить», – уличная пивная. Одноногий стол гораздо выше меня, на уровне глаз только металлические крючки для авосек да дедовы синие брюки и начищенные ботинки. Вокруг дядьки, сдувая пену, пьют пиво, жуют рыбку, блаженно покуривают. Что делает дед мне из-под стола не видно, поэтому на бабушкин вопрос, пил ли он пиво, с чистой совестью отвечаю: «Не знаю». Хотя она и так унюхает «всего одну кружку».

Возможно, профессия наложила отпечаток на дедовский характер, но только утаить выпитую рюмочку дедушка не

мог от бабушки никогда, и не только по причине запаха. «Купил разговор!» – немедленно раскрывала она его тайну. «Купи разговор – поговоришь», – советовала язвительно золовке, комментируя её неудачные попытки душевно побеседовать с братом. Но в трудные жизненные моменты именно дедушка говорил, где нужно и кому нужно, веское мужское слово, защищая интересы семьи.

На работе и дома проводил он в одиночестве целые дни в мастерской, напевая за работой. Радио в столярке никогда не было. Чистота, запах дерева, кружева стружек. Вся мебель в дедовском доме сделана его руками. Точеные ноги с фигурой восточной красавицы под огромным, круглым обеденным столом, рюмочки балясин на «последнем этаже» буфета, матовый блеск лака на дверцах шкафа, кожаный корабль дивана, с резной спинкой вместо классической полочки для слоников. «Столяр краснодеревщик» называлась уважительно его профессия, ныне убитая высокотехнологичным ширпотребом.

Пел редко. Играл на гитаре, на балалайке охотнее, но, если случалось ему петь, все замирали. Густой, мощный голос выдавал натуру волевою, чувственную. «Ревела буря, гром гремел, во мраке молнии блистали, и беспрерывно дождь шумел, и вихри в дебрях бушевали» – песня об атамане Ермаке воспринималась бабушкой, как протест всему мироустройству в целом и семейному в частности, она немедленно начинала шикать, что, мол, надо меру знать, пора чай разливать.

Бдительность проявлялась уже на подступах к бунту. «Сижу за решеткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орел молодой!» – низко, прочувствованно запевал дед. Обычно жена старалась пресечь митинг и перевести мятежника в безопасное русло: «Ой, папка, не надо о грустном, давай твою любимую». Иногда получалось, и «папка» начинал нашу с ним любимую: «Забота наша такая, работа наша простая... И снег, и ветер, и звёзд ночной полет...». Довольно долго я пыталась понять, что такое «извёст ночной полет», придумывая разные варианты, вместо того чтобы спросить, кто он, таинственный «извёст», делавший загадочной дедовскую песню.

Никогда не слышала, чтобы предки ссорились, просто появлялось какое-то напряжение – бабушкина непривычная молчаливость, дед же всегда был немногословен. Но на семейный уклад размолвки не влияли ни в коем случае. Каждое воскресенье дедушка становился бабушкой. Она не вставала с постели ни свет ни заря, не проводила время до обеда на кухне. Дед надевал коротковатый ему фартук и гремел отчаянно кастрюлями и противнями. В результате «погрома» на круглом, накрытом воскресной скатертью столе, появлялись его коронные блюда: холодец с хреном, рыбный пирог, куриная лапша. Меню страдало одним недостатком – перебором специй: соли и черного перца. Я мужественно – солидарно съедала все, сводя на нет бабушкину критику.

Стирка и глажка. Сам процесс я обычно не заставляла, но

дискуссии о его результатах слушала в течение всей следующей недели. Бабушкиной патологией домоводства я страдала лет до тридцати пяти. Стирать, полоскать на два – три раза, отбеливать, крахмалить, подсинивать, утюжить каждую складку строго определенным образом до идеального результата, долго переживая досадные промахи. Однажды, когда Григорьевич был в командировке, помочь вызвалась его племянница, о чем сильно пожалела. Безнадежно «испорченное» бельё Гурий вынужден был по возвращении перестирать и перегладить заново. Стиральные машины появились не очень давно, их результат облегчения физического труда некоторое время рассматривался бабушкой критически, до момента выведения собственной технологии машинной стирки. Тут надо уточнить одну деталь. Довольно молодой еще женщиной бабушка перенесла инсульт и до конца своих дней самостоятельно передвигалась только по дому, с помощью трости, переставляемых табуретов и множества ручек, закрепленных на косяках. При этом много лет идеально вела хозяйство большой семьи. Но сейчас речь о дедушке. У них с бабулей была настоящая семья. Мои родители не смогли повторить и части успеха их тандема. Разве что, дядя немножко приблизился к родительским пережиткам успешного домостроя. Построить дом, добыть продукты, наладить быт – кладовую, погреб, теплый туалет в доме (в те давние времена!), добыть новинки чудо – техники, как только они поступили в продажу (телевизор, радиола, сти-

ральная машина, холодильник, увлажнитель воздуха – в 60-е годы, черт побери!), к Новогодним праздникам перебелить весь дом и украсить потолки нежно голубыми облаками, а стены модным «накатом» под обои (можно переделать, если жене не понравится), не забыть шампанское...

Долго берегли меня от взрослой жизни, храня семейные тайны. Думаю, это к лучшему, иначе человек лишается незамутненной радости беззаботного детства. Но взросление приходит неумолимо и превращает Деда Мороза в ряженого дядьку с оплаченными подарками. Уже в отроческом, или даже юношеском, возрасте, мне стала очевидной бабушкина ревность, а чуть позже понятна её причина. Впервые она поделилась со мной, как со взрослой, лет в четырнадцать, хотя, наверное, поспешила, а может, я была недоразвитая, но смысл произошедшего уловила не сразу. Сосед – большой начальник Петр Иванович, был на службе, а его супруга – сдобная, изнеженная Людмила Иннокентьевна (за глаза – Людочка), попросила дедушку помочь открыть заклинившую раму. Не было его, со слов бабушки, подозрительно долго, и она пошла к соседям. В дальнейшем эмоциональном словоизлиянии живописалась вся гнусность преступного деяния – созерцание соседкиного шикарного неглиже (пеньюара). Вместо того, чтобы покинуть бесстыдницу, возлежащую в соблазнительной позе на диване, дед продолжал ковыряться с окном. Понятливая подруга разъяснила мне, что раз не уходил – значит, возжелал, изменник! Бабушка-то все

экивоками изъяснялась. И уж совсем взрослой я узнала от мамы, что, построив после войны дом, дед ушел к другой женщине, по причине внезапной страстной любви. Бабушка осталась с параличом на нервной почве и двумя маленькими детьми. Дед одумался, хотел вернуться, но куда там, гордость, ревность, обида за предательство не только не отпустили много лет, но и подняли на ноги эту железную женщину. Она согласилась принять мужа только на свадьбе старшего сына, моего отца, и разрешила остаться. Супруги пережили вместе «любовь» родины к ним, деклассированным элементам, страшную войну, голод, дедову дизентерию, общую цингу, бабушкину «куриную слепоту», тяжелую стройку под ссуду! Я никогда не слышала упреков и ссор, но дедовское молчание в ответ на любую бабушкину «правоту» стало мне понятным только после «взросления правдой».

Однажды бабушка еще раз пожаловалась мне на деда, обвинив его в оскорблении, долго не соглашаясь сказать «страшное», очень обидное ругательство. Через несколько лет я все же допытала её, слово оказалось «падлюкой». Вообще, мне неинтересно было жаловаться на деда, я совершенно искренне не верила и не понимала, что к чему. Кроме того, всегда становилась на его защиту, как и он на мою. Я прощала ему не только прегрешения против бабушки, но и по отношению к себе. Раз в месяц проводил он генеральную уборку и тогда, «кто не спрятался, я не виноват». Все, что не там лежало, не являлось вещами их дома, безжалостно от-

правлялось в мусорку. Жертвами «генералки» стали две пары моих моднейших перчаток, на его же деньги купленных, регулярно забываемых на полке в прихожей. Перчаток было жаль, но как только бабушка начала дедулю распекать, я немедленно перевела все в шутку. На третью пару мне, разумеется, выдали.

Мой сдержанный, молчаливый дед скучал обо мне всегда, а я, подрастая, все реже успевала забегать к старикам. Помню, как он приходил к нам и сидел с мамой на кухне за рюмочкой, говорил свой душевный, «купленный» разговор, потом мы провожали его до такси.

Львы болеют редко, но метко. В нашем прайде всё случилось неожиданно и судьбоносно. Я лежала в больнице, мучаясь страшными болями, борясь с опасной болезнью. Однажды ночью очень уж расшумелись в коридоре, и бессонная я пошла посмотреть, кого там привезли. У деда был постинсультный шок. Он кричал, вскакивал, падал с кровати, ничего не соображал, меня не узнал. У меня тоже был шок. Я не могла поверить, что это с ним, что это он, но не кричала, тихонько плакала в туалете. За ним ухаживали сначала дядя, потом отец. Я пришла в родной дом, непривычно пахнувший лекарствами, болезнью, страхом. Говорили, дед никого не узнает. Вывезли на коляске. Он узнал и заплакал, пытаюсь выговорить моё имя. Я держала его за руку и слезы размывали родные черты, так и не утратившие благородной породы. День, когда он ушел, был страшным. Я думала, что самое

жуткое уже пережила на бабушкиных похоронах, ошибалась. Отец спустился в дедовскую мастерскую и сидел, тупо глядя на осиротевшие инструменты. В свое время папа именно там умрет – судьба! Хуже стало на кладбище. Невыносимая боль, будто меня по живому распилили надвое и закопали нижнюю половину в сырой яме вместе с дедом. Не было больше ног, опоры, половины души. И еще – пустые отцовские глаза!

Он ушел, оставив меня без защиты и любви, дедушка с небесным именем Гурий, нарекший меня вдохновительницей, наделивший львиной породой, дедушка, который был младше меня на девять дней.

Глухой

Я жалела бы любимого дядю за глухоту, если бы могла представить, как это – не слышать. Жалко мне стало его, когда я услышала нечаянно, как он поет.

Во время семейного пения, после ужина, на праздничных застольях, он молчал. Музыкальное семейство никогда не заостряло на этом внимания. Он читал по губам, а если стоял спиной, окликали громче, легонько касались плеча. Все было естественно, и я долго не понимала, что дядя плохо слышит. На своей половине к домашнему телефону приладил световой сигнал, я решила – для красоты. По утрам, если дядечка не приходил к завтраку, бабушка, боясь, что сын опоздает на работу, посылала будить. На предложение позвонить, отшучивалась: «Дядька твой спит, как медведь в берлоге, из пушки не разбудишь, не то что телефонным звонком».

Наше притяжение было взаимным, и, если рядом не шлялся злой петух, а огромный волкодав был надежно заперт, я ускользала на другую половину при первой возможности. Услышав из-за двери странные, похожие на плач, звуки, замерла и, решив, что дяде плохо, ринулась спасать. Он не плакал, он... пел, завывая громко, как все глухие, да еще пытался себе аккомпанировать на отцовской гитаре. Пел ужасно фальшиво и так вдохновенно – яростно, что вены вздулись на шее и на лбу. Я не узнала ни мелодии, ни даже

слов, наверное, от шока. Не помню, сколько длился столбняк, но самое страшное случилось, когда он меня увидел. Его шок был не меньше моего. Воцарилось молчание. Встретились два взгляда: мужской – полный муки, стыда и детский – изумленный, сострадающий. Я мгновенно поняла, что значит – «он глухой». Невыносимая жалость стиснула детское сердечко, слезы хлынули градом, дядя очнулся, прижал меня к себе и молча поглаживал по голове. Ни слова не было сказано, он простил мне жалость так же легко, как я прощала детские обиды. Тот случай сблизил нас еще больше. Конечно, я никому не рассказала, даже любимой бабушке. Со временем поняла, как она оберегала сына, приучив всех домашних, ничем не привлекать внимания к его недостатку.

Я выросла бы другой, если бы природа не наделила меня слухом и голосом. Пение настолько естественно участвовало в познании мира и выражении чувств, сотворении жизни, что я не могла представить, как можно по-другому. Мамино пение и легкое похлопывание при укачивании – покой, тепло, сонливая истома. Бабушкины песни за работой, задорные отцовские песенки, чтобы уйти от щекотливых материнских расспросов, мощный дедовский бас, передающий душевные волнения нашего молчуна, озорные частушки двоюродной тетки на семейном празднике – из пения складывалась жизнь. Все можно пропеть, поправить, выплеснуть, изменить через песню. Потому и было невыразимо жаль моего глухого родного человека.

По вечерам, после ужина, играли в лото, карты, домино и, конечно, пели. Дедушка играл на балалайке, бабушка на гитаре. В молодости они выступали в любительском оркестре народных инструментов. Красавец отец разбил не одно женское сердце своим пением под гитару. Едва я подросла, стала петь во время игр, за работой, за столом вместе со всеми. Бабушка вздыхала: «Смотри, певунья, пропоёшь своё счастье!». Частушка, городской и классический романс, народные песни – все вошло, вросло, стало частью меня. Когда появились проигрыватели, телевизоры, бабушка, страстная любительница технических новинок, немедленно завела их у себя. И тогда полилось: Шульженко, Бернес, Трошин, Пьеха, Кристалинская, Воронеж, Зыкина. Я, думаю, не смогла бы воспринимать классическую музыку так остро, если бы не музыка из бабушкиного дома. Классику слушала мама, детдомовская девчонка, замороженная чудесными, необыкновенными звуками. Но и её восприятие музыки выросло из народной песни. Она пела русские и украинские, родные для неё, песни. С трагическим сюжетом, протяжные, трогательные, красивые. Как бы она ещё выжила в жуткое, военное, детдомовское время?

Когда в мою жизнь вошли Окуджава, Высоцкий, я поразились соединению мелодики слова и музыкального звука, как немногим раньше слилась для меня проза Паустовского с музыкой Грига, Моцарта. Пробуя новый синтезированный продукт на слух, на совпадение с внутренним ритмом,

обнаружила, что они управляют мной, я ими, а вместе мы управляем слушателем. Невероятная возможность, как при пении, передать страсть, боль, нежность, с помощью речи и музыки, увеличить «температуру» чувств, усилить остроту восприятия. Чтение стихов Лорки в сопровождении музыки Сеговии производили невероятное, гипнотическое действие даже на людей «глухих» к музыке и поэзии. Не столько смысл, сколько энергетический эффект действия, создавал необычайный душевный подъем, который многие запомнили на всю жизнь. Часто люди узнавали мой голос, услышанный при исполнении стихов Лорки, спустя много лет. Позже силу воздействия речевого магнетизма я наблюдала во время своих психотерапевтических сеансов, консультаций. Донести до человека главное с помощью мелодики слова, его энергетики – самое действенное.

По-прежнему удивляюсь, отчего люди не лечат себя таким простым способом, как пение, музыка. Все плохое и хорошее можно пропеть. Ненужное уходит, лучшее прорастает. Тяжело на душе, запою протяженько, из самого нутра: «Ой, ты степь широ-о-окая...» или «Среди долины ровныя», глядишь, полегчало. Устала душой и телом, Моцарт вернет силы, наполнит, с ним всегда хорошо, как дома, у мамы. Застряла, не двигаюсь вперед, Бетховен. Задающие вопрос о любимой музыке, вынуждают признать мою «всеядность». Что делать, если я и рок, и рок-н-ролл, и хоровое пение, и много еще чего люблю. Музыка, как жизнь, разная, она и

есть жизнь. Дар Божий!

Помню, танец с моим постаревшим дядей. Он вел, идеально чувствуя ритм. Глухие слышат всем телом, всем своим существом, всей душой. Там, где он сейчас внимает музыке сфер, душа – идеальный орган слуха, надеюсь, что в следующей жизни Господь вернет ему земной слух.

Пушкин

Пушкин вошел в мою жизнь лет в пятнадцать. Нет, не солнце русской поэзии, а Александр Сергеевич Потанин по прозвищу Пушкин. Самой читающей нацией, все-таки, мы были раньше.

С отроческого возраста я прагматично использовала свои природные данные – густые, длинные волосы, отличную дикцию, лет с тринадцати – четырнадцати уже знала, что такое актерская «халтура», подрабатывая «Снегурочкой» на утренниках и прочих новогодних мероприятиях. В тот день с моим старшим партнером, Дедом Морозом, мы уже отработали штук десять «Ёлок». Был поздний вечер, устали, как собаки, Дед, разумеется, изрядно пьян, но за вечерние выходы платили вдвое, а то и втрое. Машина заказчика привезла нас с последней Елки на другой конец города, как выяснилось, в ПТУ. Деду Морозу-то все равно, по киру и по опыту, а мне стало не по себе. Звуки «подогретого» пэтэушно-го контингента взбудрили мой усталый мозг и тело. Я уже приготовилась сбежать, но тут появился невысокий, коренастый молодой мужчина и перекрыл пути к отступлению. Он представился мастером производственного обучения, отвечающим за Новогодний вечер. Во как выражался! Но мое отмороженное лицо произвело впечатление, и намерение к бегству, написанное на нем крупными буквами, подтолкну-

ло Потанина поменять тон. Шутливо рассказал, что учащиеся и коллеги зовут его Пушкиным, из-за ИО, конечно, суетился, угощал Рижским бальзамом и еще какими-то деликатесами, а главное, постоянно краснел. Это я намного позже поняла, что его пунцовость от возбуждения на меня, а тогда удивилась, как постоянно смущавшийся мастер может работать с местными оторвами. Благодаря Пушкину, в смысле, Потанину, вечер я пережила благополучно. Он ни на шаг от меня не отходил, иначе бы пьяные пэтэушники разобрали бы меня на косу, грудь и все, что осталось. Страшнее был только, несколько лет спустя, концерт перед заключенными, когда, несмотря на охрану из собак и надзирателей, было ощущение, что меня публично раздевают и лапают. Заплатил он нам раза в полтора больше обещанного, видимо, компенсируя моральный ущерб, и к утру я о нем забыла.

Но Пушкин не забыл. Через некоторое время вдруг объявился в моей театральной компании с кем-то из знакомых. И снова меня удивила его способность вспыхивать смущенным румянцем, коей не страдали мои друзья – лицедеи. Пушкин казался недалеким, косноязычным, что и подтверждал сам, не боясь показаться смешным. «Я парень малограмотный, от литературы и театра далекий, что с меня взять – мастер из ПТУ». Не знаю, сколько тут было эпатажа, сколько лукавства, сколько желаний понравиться своей непосредственностью. Никогда, ни в этот момент, ни позже, я особенно не интересовалась Пушкиным, он всегда оставался для

меня забавным, смущенно-влюбленным парнем, одним из многочисленных поклонников. Он появлялся, краснел, дарил цветы, исчезал, спасаясь от жестокой Снегуркиной иронии. Так продолжалось много лет. Больше того, я долго не догадывалась, что он в меня влюблен! А уж про его красноту, учащенное дыхание, дошло только после замужества. Эх, невинные были девушки, с хорошим домашним воспитанием, никакая богема не портила!

Пушкин был старше меня, однако женился через несколько лет после моей свадьбы. Вечером, перед днем бракосочетания, он приехал, без звонка, без цветов, и уже сразу красный, как вареный рак. Шутил, балагурил, как всегда, потом выпалил разом: «Завтра я женюсь! Если ты сейчас скажешь, я откажусь сию минуту!».

– Зачем, Пушкин?

– Я не Пушкин, я Потанин и я тебя люблю, и буду любить всегда!

К тому времени я была уже повзрослевшей Снегурочкой, слышала любовное признание не в первый раз и знала нужный ответ. Саша ушел. Женился. Но обещание сдержал – любил меня много лет, преданно, истово. В любой момент, по первому зову срывался и спешил мне на помощь. Сколько бы времени не проходило, всегда его чувства ко мне были, как в первый день знакомства. Забавно, что только сейчас в первый раз я подумала: «Он Пушкин, а я Натали». Не было у меня к нему никаких чувств, кроме дружеских, но уважение

к его любви сохранилось до сих пор. Может, и его любовь сохранилась. Дай Бог! Теперь-то я знаю, что любовь – редкий Дар Божий.

Фотограф Остапов

Дети в подвале играли в гестапо, пыток не вынес фотограф Остапов.

(Частушка – страшилка)

С Остаповым у меня связано много разных воспоминаний, словечек, фраз. «Попить бы сейчас ... водки ... из ведра!» – изрекал Остапов, вытягивая длинные худые ноги, развалившись в кресле после тяжелой смены. Вообще-то, он был оператор на телестудии, а фотографированием подхалтуривал в свободное от основной работы время, как принято тогда было выражаться. Но фотограф был хороший, может, талантливый. Правда, мои лучшие фото по пьянке потерял безвозвратно вместе с негативами. Закладывал хорошенько, как все люди его профессии.

Вот полупьяный, еще кондиционный Остапов, лежит на ковре у себя дома, гости вокруг, кто где. «Меня бы сейчас распять! Раз шесть...», – блаженно выдыхает Алеша (его Алешей зовут), и воспитанные барышни того времени взвизгивают возмущенно. Кстати, некондиционным я лично его никогда не видела, хотя рассказывали. Остапов был длинный, тощий, умный, способный, взрослый (по сравнению со мной), разведенный, закрытый, независимый. Думаю, еще уязвимо – амбициозный. Уязвимость не показывал, позиционировался авторитетно, самозначимо. Он находился в дру-

гой нише. В его тусовке все были литераторы, редакторы, режиссеры, а он – оператор. Другие операторы на небольшой областной телестудии явно были ему не конкуренты, другое дело белая кость – пишущая братия – цвет уездной интеллигенции. Мне кажется, он чувствовал себя социально и творчески ниже, хоть не показывал виду, но переживал. Это было заметно по перемене в поведении. В обществе мужчин своего круга, был сдержан, ироничен, в другой компании, особенно среди дам, становился раскованным, самоуверенным, сексуальным.

Девицы липли к некрасивому, харизматичному Остапову, но он после неудачной женитьбы не стремился к постоянным отношениям, жил вдвоем с мамой в старенькой хрущевке, на центральной улице Ленина. Мама фигура тоже интересная. Плоско-худощавая, ростом выше среднего, с климактерическими черными усиками и «Беломором» в зубах, быстро сортировала Алешиных гостей по рангам. Одних выставить – пьянь беспросветную, других милостиво терпеть, с третьими можно вступить в разговор. Я, попав в касту достойных аудиенции, несколько раз беседовала, наслаждаясь её отменным чувством юмора, удивляясь внешнему и внутреннему сходству матери и сына.

У Остапова была мечта – уехать учиться в Ленинград. Тогда на весь Союз был один институт, готовивший узкоспециализированные кадры (дикторов, телеоператоров) – ЛГИК-МИК. Профессиональных операторов на нашей телестудии

не было – или технари, или филологи, как Алеша. Он считал себя талантливым оператором, строил планы, делился идеями, но дальше «стройки» дело много лет не двигалось, постоянно что-то мешало. «Что-то» наполовину было пьянством, наполовину смесью инфантильности и страха потерять провинциальную комфортную зону. Здесь, Остапов считался талантливым, подающим надежды оператором, а там, кто знает? Мог ведь и не поступить, как тогда возвращаться «на щите», да и возраст уже обозначился ранними залысинами. Так что, проще было оправдываться не вовремя случившимся запоем, маминой болезнью, отсутствием денег – все чистое лукавство, если оно бывает чистым. С пьянкой он тогда еще справлялся, мама особо на здоровье не жаловалась, а на поездку мог нахалтурить, увековечив младенцев всего на одном утреннике в детском саду.

И все же, Остапов уехал в Ленинград, во времена Перестройки. Что он там делал, не знаю. Рассказывали, приезжал на родину, располневший, полысевший, значительный, трезвый. Толковал бывшим филфаковским сокурсникам о своем продюсерстве, каких-то проектах, шутил меньше, язвил и выпендривался больше. Еще через какое-то время общая знакомая мстительно говорила, что Остап, по-прежнему, трепач, работает охранником, с ним нельзя иметь дела. Но, похоже, объективность тут страдала – оказалось, Остапов предлагал её мужу участие в каком-то проекте, да подвел. У каждого своя правда. Много разных сплетен об оди-

озной фигуре Остапова еще ходило, значит, было в нем зерно неординарности, во все времена цепляющее завистников. Не знаю только, проросло ли, созрело ли, дало ли плоды?..

Криво

Автору положено изменять фамилии, имена, чтобы ныне живущие герои не обижались и не предъявляли претензий. Но как изменить фамилию, если именно она и есть отражение сути характера и судьбы героя? У одного моего знакомого фамилия Криворучко, если его переименовать в Кривоножко, образ полностью меняется. Именно ручки у него кривые, в переносном смысле, и результат любых манипуляций «кривыми» ручками соответственный. Я помучилась и решила рискнуть – оставить как есть. Не думаю, что такой человек, как Кривошеев, предъявил бы мне претензии. К тому же, история эта могла случиться в любом городе, с любым Кривошеевым.

Кривошеев стал подарком на 8-е марта моей подруге Люське, и, как потом выяснилось, всем нашей компании. Поздравлялки закончились поздно, общественный транспорт уже не ходил, такси праздничным вечером не поймать, таксисты вообще неохотно ездили в Рабочий посёлок, дороги там... не было там дорог. Ночная мартовская погодка в нашей полосе не подходила для мини юбки и капроновых колготок. Люся уже строила самый безопасный и короткий пеший маршрут до дома (и то, и другое из области фантастики), когда возле неё остановился темный, пустой рейсовый автобус не её маршрута. Люська поменьжевалась и впорхну-

ла в салон. Свет зажегся и погас, как только дверь захлопнулась, но они с водителем успели рассмотреть друг друга.

Кривошеев был похож на молодого Бендера. Лукавый, самоуверенный взгляд, слегка развязные повадки, ироничная манера речи. И длинный шарф, обмотанный вокруг шеи. Я часто ловила себя на желании взглянуть на его ноги – есть ли там носки? Носки исправно были, но всё равно казалось, что щегольские ботинки надеты на босу ногу. Парень симпатичный: длинные, по моде, черные волосы до плеч, карие глаза, правильные черты лица, среднего роста, хорошо сложен, но с каким-то поселковым отпечатком, состоящим из смеси нагловатости, плутоватости, интуитивной, животной сметливости. Порода такая. Чем он отличался от детей рабочего поселка? Непосредственный, добрый, не циничный, не испорченный и любопытный, в хорошем смысле слова.

Когда через пару дней сияющая Люсинда нам его предъявила – подарила, он сразу всем понравился. Несмотря на несколько развязный тон, не напрягал и быстро ассимилировался. Кривошеев умел дружить. Еще, было в нем то, чего не хватало нашим интеллигентным мальчикам – практичность, хозяйственность. Смастерить, починить, организовать выезд на природу, купить пива без очереди. И никаких шоферских замашек в нашем присутствии – пошлых шуточек, мата. Однажды удивил меня. Прочитал Есенинское стихотворение, абсолютно в тему, по ситуации, очень ему подходящее: «Я одну мечту, скрывая, нежу, Что я сердцем чист, Но я ко-

го-нибудь зарежу под осенний свист». Шла ему и дворовая песенка: «Я с детства был испорченным ребенком, на маму и на папу не похож. Снимали дамы шляпы, лишь услышат: «Жора! А ну-ка, поддержи мой макинтош!»». Когда, блестя хмельными глазами чайного цвета, выводил он сентиментальное: «А свечи плачут о былом...», театральные девицы засматривались.

Кстати, о девицах, тут самое время вернуться к Люське и фамилии Кривошеева. Не туда – криво, поворачивалась его шея. Ладно бы, просто налево, как у всех мужчин, но на очень уж неудачное «лево». Весенний «подарок» сам, конечно, был не подарок, но и дамы попадались еще те. Ко времени нашего знакомства Кривошеев уже был женат и разведен. Ранний доармейский брак списывал на молодость и глупость. А с Люсиндой попал как кур в ошип. Поразительным пристрастием обладала наша рыжая от природы бестия – любила исключительно конфетно – букетный период, обожала быть невестой. Состояние невесты делало её красивой, счастливой, истерично-радостной. Но как только свадьба была на пороге – всё, резко сворачивала отношения. Причину могла состряпать самую пустячную, но переживать, как настоящую трагедию («он вышел ко мне из поезда в нечищенных ботинках»), с диким накалом страстей – актриса. Впрочем, жених Бендер обличен и отвергнут был по причине существенной и существующей – измена. Не в ту сторону во время пения повернул он свою кривую шею.

Новая птичка была серенькая. Выбирал-то он обычно девочек своего круга, вполне привыкших к пьянству и гулькам отцов, но с какими-то закидонами. Переделать бабы всегда мужиков хотят, надеются, что для них, любимых, они изменятся, но у этих еще круче выверты были. Одной – только бы невеститься, другой требовался собственный ручной Бендер.

Бендеров ручных не оказалось, не вывелась ещё такая порода. Шея поворачивала Кривошеева в сторону выпивок, компаний, рыбалки. Птичка терпела, ругалась, рожала. Он же, не только отлично водил машины, но и чинил их, так что, и пропивал, и зарабатывал прилично. Думаю, прожили бы благополучно, как большинство, если бы не Перестройка. Тут Птичка и выкинула номер не по программе – родила третьего ребенка. Время самое неподходящее выбрала. Пружина, видно, выскочила, отталкивая навалившееся: развал устоявшегося быта, социальную неразбериху, мужнину отстраненность. На общем фоне у них всё было неплохо, имелось с чего начать. Квартиру кооперативную, трехкомнатную, поменяли на дом в богатом шахтерском городе, пацаны старшие подросли, у супруга профессия востребованная, друзья хорошие. Удержать ребенком хотела Кривошеева – возле себя, от пьянства? Не вышло. Не всем дано было выдержать великий перелом, крушение привычной жизни, а может кривая дорожка уже завела моего героя туда, откуда не возвращаются. Бендер стал алкоголиком, бомжующим,

опустившимся, пьющим и спящим, огражденный счастливым, хмельным неведением от непонятной, тяжелой жизни. Птичка, друзья, даже мать, сдались перед великим монстром всех времен и народов – водкой. Не повернуть в другую сторону шею и фамилию отцовскую не поменять. Ушел наш Подарок, как в своё время его папка, в пьяную смерть.

Господи! Даруй ему новую, счастливую, трезвую жизнь под новой, прямой, фамилией!

Кто ловит – тому и рыба

Ну, как человеку, у которого в одном месте шило, да еще и любое действие предполагает результат (лучше немедленно и максимальный), объяснить, зачем сидеть с удочкой, когда не клюёт?

– Вань! Ну, вот чего ты уже два часа тут сиднем сидишь, а ни одной рыбы не поймал?

– Не клюет, – спокойно отвечал Иван. (Он очень уравновешенный.)

– А если не клюёт, зачем сидеть? Рыбы же – нет.

– Рыба есть, но не клюет.

– Так сделай что-нибудь, чтобы клевала, – предлагаю практичное решение.

– Я делал, – так же ровно звучит в ответ, – прикармливал.

– Может, по-другому ловить – сетью, а не удочкой твоей, раз и все.

– Сетью – это не рыбалка, разбой, а мордушку я дома забыл.

– Ты ж говорил, что взял!

– Это я мормышку взял, а мордушку забыл.

– Так лови мормышкой!

– Мормышка – это наживка, а мордушка – сетка на палке.

– Может, бармаши, – блеснула я знанием рыбацкой терминологии.

Иван засмеялся.

– Чего ты смеешься? Я с дядей в детстве на рыбалку ездила, он ещё какими-то бармашами ловил, – пробурчала обиженно.

– Все. Всю рыбу распугала. Сворачиваемся.

– Это ты своим смехом рыбу распугал, – все еще делая вид, что сержусь, парировала я.

На самом деле, именно этого и добивалась. Давно уже было пора выпивать, закусывать, главное, песни петь у костра. А какие песни без Ивана. Но вопрос непродуктивности рыбалки без клева тоже волновал.

– В рыбалке главное не рыбу поймать, а сам процесс, – толковал Ваня. – Вот, сижу я на берегу, ни о чем не думаю, люблюсь природой – погодой, удовольствие получаю.

– Ага! Что ж тогда у Антонова нервный срыв случился, когда рыба сорвалась? Неделю ходил с растопыренными руками, всем показывал, какого размера зверюга ушла.

– Ну, рыба, конечно, тоже важно, – примирительно бубнит Ванюша.

Антонову не хватает Иванова философского спокойствия. Он рассказывает о рыбалке и зеленые глазищи фосфорически светятся, как у кота, почуявшего рыбу, так и кажется – сейчас заурчит, завоет утробно. Если долго не удастся выбраться к ближайшему водоёму, Антонов ностальгирует, как поручик Голицын о родине.

– Сон видел, – рассказывает он мне во время романтиче-

ской прогулки.

Как нормальная девушка я жду чего-то sentimentalного.

– Рыба, – печально роняет он.

– Что рыба?

– Рыба снилась, много рыбы. Здоровенная такая, – оживляется Антон (прозвище его), – полная лодка. Я взял одну померять, она как забьется и хвостищем хлесть по руке! Проснулся – на коже засечка осталась и рыбой пахнет. Не веришь – посмотри!

Действительно виден какой-то старый шрам.

– Как думаешь, к чему это? – с надеждой вопрошает он.

– Тебе, как сценаристу, положено знать – рыба всегда снится к беременности. Не думаю, что в твоём случае это возможно, потому теряюсь в догадках, – мстительно заканчиваю я.

Одержимость рыбной ловлей несколько раз чуть не стоила ему жизни. Как-то летом, он в надувной резиновой лодке, уплыл вниз по течению на вечерний клев. Стемнело, все наши рыбаки собрались, только Антонова нет. Прошли по берегу, покричали, поаукали – нет. Выпили – закусили, стали планировать поисковую операцию. Вооружились фонарями и к реке. Тут-то он и появился. Мокрый, злой как черт, непривычно молчаливый. Только после третьей рюмки рассказал, что к чему. Не знаю, каким уж там мистическим образом лодка прохудилась, а он – на середине реки. Темно уже, плыть надо против течения. Оказался в воде, но снасти

и лодку не бросает. Попал в водоворот, стало затягивать...

– Вся жизнь, за один миг перед глазами пробежала: я маленький, в белой рубашонке по траве бегу, мама, ты на меня укоризненно смотришь, – ерничал Антонов, но в глубине глаз еще темнел страх.

Из-за несоответствия тона и взгляда стало ясно, что ситуация была не шуточной. Я начала колотить Антона по груди кулаками и орать, что он, псих – ненормальный, когда-нибудь рыбам на корм попадет.

– Ну, чего ты? Все ж в порядке. Тонул я, а истерика у тебя. Ночью пьяный Антон выкрикивал остатки страха: «Истопи ты мне баньку по белому...»

В другой раз он с инфантильным приятелем Мариком поехал на рыбалку. Дело было в марте, и лед на озере стоял непрочный, о чем все их предупреждали, но охота пуще неволи. Бедный Марик, он – то поехал за компанию, развлечься, а попал, как кур в ошип. Льдину оторвало и понесло на середину озера вместе с рыбаками, рыбой и воплями Марика. Короче, снимали с вертолетом. На вопрос: «А почему такие пьяные?» – резонно заметили: «Ты еще спасателей не видела!».

Самая замечательная рыбалка была с дядей в моем раннем детстве. Он, как Иван, млея от самого процесса, общество друг друга нас устраивало и радовало, отсутствие клева тогда меня ещё не беспокоило. Я перебирала рыбацкие побрякушки, позвякивала всевозможными колокольчи-

ками, проводила филологические исследования: «бармаши» и «шармачи» – это одно и то же и если да, то, как они умудряются свистеть у нас вечерами под окнами, и как же дядька собирается использовать их в качестве наживки. Шармачами бабушка называла уличных хулиганов.

Впрочем, был у нас друг Володька, поддерживающий мою прагматичную точку зрения, что рыбалка – значит улов. И он у него всегда был.

– Не клюет? Не печалься, – утешал он меня, – там под корягой здоровенный сом, мы его утром обязательно добудем.

И добыл. Всю нашу ораву накормил одной рыбиной.

Да, был еще дядя мужа, подходивший к ловле рыбы, как к занятию хозяйственному.

– Приехали! – радовался он. – Сейчас щуку поймаем, Тамара пирог испечет, у неё и тесто готово.

– А если не поймаем? – недоверчиво тянула я.

– Как, не поймаем? У меня и удочка уже стоит.

– Где стоит?

– За домом.

Мы с мужем засмеялись:

– Надо топор рядом поставить, может, курица на лапшу будет, за компанию.

– У меня речка за домом, в конце огорода, пойдем, покажу.

Речка действительно имела место быть, и удочка стояла на палочке-рогатке, но данный факт никак не гарантировал, что

рыба поймается, да еще щука. Но это для нас, а дядя Витя ни секунды не сомневался – рыба будет. И ведь была, точно вовремя, как тесто подошло, выловил приличного размера щуку, пообещав назавтра отвезти на настоящую рыбалку. Я сразу же согласилась, уже не сомневаясь в улове.

Думаю, рыбалка у всех для разного: медитации, драйва, трепа, пьянки, а улов у того, кто рыбу ловит.

Кредо

– Ваше политическое кредо?

– Всегда!

(И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»)

Одесское побережье плавала июльская жара. Две юные девицы дружили с матросиками, служившими на белом теплоходе, курсировавшем вдоль берега, от Аркадии до Ильичевска и обратно. Между рейсами пока матросы управлялись по хозяйству, подруги дефилировали по палубе. Снизу, через открытую дверь кто-то позвал: «Девушки, спускайтесь!». Заглянули в прохладную полутьму. Корсар. Сухой, коричневым, изборожденный морщинами, крепкий – грецкий орех. Глаз, как бусинка горит. Шейный платок шелковый. Кинжал отсутствовал, но ром был, о чем и оповестил: «Девочки, ну спускайтесь, у меня „Гавана клуб“ есть». Вышли из оцепенения, скорчили соответствующую мину.

– Не бойтесь, приставать не буду. У меня на этот счет свое моральное кредо.

Девицы заинтересовались:

– Какое?

– Дашь? Не дашь – иди к едрени матери, следующая.

Встал навстречу, предупредил:

– Осторожно! На входе лучше поклониться.

И тут же выдал байку. Море штормит, теплоход качает,

матросы на входе предупреждают пассажиров: «Осторожно! Наклонитесь, можно ушибиться!». Каждый второй после вопросительного восклицания вместо того, чтобы пригнуться, стучается о притолоку. Пожилая еврейка, занимающая место напротив сходней, не выдерживает: «Бабах, да бабах! Нет уже-таки сил слышать эту пальбу! Мало шо бахают, так еще и охают, хорошо хоть воздух не портят».

Когда кавалеры отыскиали своих подружек, те уже были в дым и в хлам. Бармен, трезвый, как стеклышко, успевал наливаться пассажирам, своим визави и развивать тему кредо. Девчонок спас шторм. Не так, чтобы очень сильный, но в сочетании с ромом достаточный для очистки желудков прямо на палубе. Парни поговорили с барменом на своем языке – смеси одесского сленга и мата, тот предъявил им свое очередное кредо: «Чужая женщина не моя. А драить палубу – ваша работа». Перед убийственными аргументами пришлось отступить с девицами на крепких плечах. У протрезвевших авантюристок возникло подозрение, что ничего, кроме рома, им не светило, если б они даже были из «дашь». Флибустьер давно получал удовольствие от выпендрёжного стеба вместо секса.

Сероглазый красавец осетин Асхар соответственно своему имени был отважным, но кредо имел компромиссное: если не уверен, что справишься, отойди в сторону, чтобы не опозориться. Причина осторожности – все тот же женский пол. Как-то вечером друзья предложили подвезти Ас-

хара с работы. По пути заехали к знакомому ветеринару. Дома оказалась только его теща – вдовая «баба ягодка опять». На Асхара сразу «сделала стойку», сметливо изобрела повод для мужской помощи по хозяйству. Друзья, ребята сообразительные, предложили джигиту остаться – помочь женщине. Он отказался, сославшись на дела. В машине, под давлением любопытных приятелей, сознался: «Э-э, дорогой! Раньше не просил – боялся, откажут, теперь боюсь, что согласятся». А дамочка – то решила – высоко себя ставит красавчик.

В далекие советские времена в Батуми у местных мужчин был традиционное вечернее развлечение. Часам к четырем – пяти пополудни они собирались в центре, на пересечении улиц, заполненных дефилирующими курортницами. Пресловутые кепки аэродромы, гордый кавказский профиль над черными усами, руки в карманах. Блондинки, брюнетки и шатенки не знали грузинского языка, но догадывались о содержании разговоров.

– Ты стал бы?

– Э! Я б не стал!

– Вах?!

На большее горячие грузинские парни не решались. Те из них, которые «стал» и «мог», давно наливали Мукузани грудастым блондинкам в кафе, на набережной. Избалованные мужским вниманием блондинки после уверяли, что вино лучше ухажеров и что слухи об их невероятных сексуальных возможностях сильно преувеличены. Но кредо, есть

кредо. Раз грузин, значит, всегда озабочен.

– О! Азиз джан! Какой азиз джан!

В дословном переводе азиз джан – милое тело. Обращаются друг к другу коротко «азиз», или «джан», к иноверцам «брат», «азиз джан» – к близким, родным и предмету симпатии. Чувственный, душевный, мягкий и пушистый, заговорил, истекает сладким соком – персик. Русский с ней не пойдет – столько не выпьешь, армянин смотрит глазами оливками, как на королеву красоты. У него свое кредо – если местная женщина с жильем «хочет», значит, красавица. А он, после пересечения границы, свободный мужчина. Дома жене, многочисленным детям, как скажет, так и будет, здесь «королеве» смотрит в рот, пока сам не оперится. Потом возьмет вещички, свои и её по максимуму, и перейдет к следующей. Или живет на два дома – армянский и русский. Осчастливленная рукастым, внимательным, поначалу, очень домашним мужчиной, Азиз джан, незаметно для себя, одевает, кормит, одаривает, терпит кроличий секс. Кто же её еще так любить и ценить будет? И у нее свое кредо: «Пусть завидуют!».

Азер (не уничижительное прозвище, имя) – жгучий красавец. Брови дугой, нос идеальной формы, миндалевидные глаза – звезды южной ночи, четко очерченные губы, смуглое лицо со старинного барельефа – персидский царь, не меньше.

Не ела никогда Маруся рахат-лукум, но как только загово-

рил с ней Азер, сразу узнала – вот они: лукум, щербет, пахлава. А говорили, что грубые, глупые, нахальные азербайджанцы. Образованный, интеллигентный, прекрасный собеседник, нежный, страстный любовник. К утру, проспала, видно, подменили царя на рыночного торговца. «Подай, принеси, чего разлеглась, что мычишь, корова?!». Не знала девушка его кредо: во что бы то ни стало переспать с русской девушкой, а там пусть себе катится, шлюха.

В сексуальных отношениях политика простая – всегда. Главное – всегда демонстрировать готовность. Остальное – мораль.

Картинки с выставки

из сборника рассказов

Нормально!

– Нормально, Григорий!

– Отлично, Константин!

(Михаил Жванецкий)

Маленький курортный городок можно пройти пешком вдоль и поперек. Можно, при хорошей погоде, когда никуда не торопишься или ты отдыхающий. Но если спешишь по делам, на улице сорокоградусная жара, и доехать, несмотря на пробки, быстрее, садишься в маршрутку. Поздно вечером твоя усталость тоже выбирает общественный транспорт.

На ночь глядя, я к нему и села, рядышком, на переднее сиденье. Несмотря на поздний час, центр кипел курортной жизнью. Водитель маршрутки в нарядной белой рубашке, лицом был светел и чист, будто только что встал, умылся и радостно отправился рулить. Первую часть утра он возил, без особых хлопот, «местных», на работу. Часам к десяти-одиннадцати салон наполнили приезжие, в вечерний час-пик те и другие перемешались, к ночи – сплошь курортники.

Рабочий день водителя – перевозчика похож на мусорную корзину, которая никогда не пустует, непрерывно перетряхивается, вспухает, пенится, утрамбовывается, пахнет и, что самое печальное, говорит не переставая. Шоферу суют деньги и берут сдачу, беспрестанно спрашивают, несмотря на многочисленные вывески, о стоимости проезда, допыты-

ваются о маршруте по улицам, не существующим в природе, забывая предупредить об остановке, требуют немедленно высадить «вон там» и «вот здесь», потому что «вы меня провезли» и «я проехала». К полудню водитель – славянин мрачен и молчалив, армянин нервно отвечает на некоторую часть вопросов. К шести вечера роли меняются, первый изредка, отрывисто дает ответы, второй, сдерживаясь изо всех сил, хранит молчание. К ночи абсолютно все идут вразнос и фонтанируют, исключая нецензурные выражения.

Кстати, о выражениях. Страдая географическим кретицизмом, уехала, как бестолковая туристка, в другую сторону. На конечной остановке, поняв, что терять нечего, решила не выходить – приеду же я когда-нибудь в нужное место. Спинки сидений высокие, рост маленький – водитель не увидел, закрыл дверь, припарковался на стоянке. Как он ругался! Какими словами! На пешеходов, слишком медленно переползающих дорогу, на автолюбителей, блокировавших проезд. Он-то думал, что один в салоне. Вышел на парковку, нервно курил, бурчал и пинал колесо. Сел за руль, выехал на посадку и превратился в образец терпения. До самой моей остановки (которая все же нашлась), кроме названия улиц, ни слова от него не услышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.